

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЛИТЕРАТУРНЫХ САТИР ГОРАЦИЯ

Противопоставление сатиры Луцилия и сатиры Горация издавна является общим местом всех курсов латинской литературы. Ни один исследователь не упустит случая упрекнуть Горация в вялости, а Луцилия в грубости. При этом обычно допускаются две ошибки. Во-первых, оба поэта сравниваются как современники, без учета всей разницы эпох; во-вторых, сравнению подвергаются главным образом отдельные высказывания обоих поэтов и совершенно не принимаются во внимание общие идейные основы их творчества. Последнее отчасти понятно: об идейных позициях Луцилия

³⁷ М. И. Максимова, Серебряное зеркало из Келермеса, СА, XXI, 1954, стр. 281—305.

³⁸ Б. М. Граков, Скифы, Київ, 1947, стр. 85; о п же, Скифский Геракл, КСИИМК, XXXIV 1950, стр. 12; ДБК, табл. XX, 8; А. А. Шик, Боспорское царство, ч. III, Одесса, 1848—1849, рис. 142; А. П. Иванова, Искусство античных городов Северного Причерноморья, Л., 1953, рис. 24.

³⁹ Н. В. Пятыева, Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе, ВДИ, 1947, № 3, стр. 214.

⁴⁰ ОАК за 1865 г., табл. 3

⁴¹ Д. Б. Шелов, К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье, КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 65.

⁴² А. А. Передольская, Терракотовая статуэтка женщины из святилища Афродиты в Нимфее, СА, 1958, № 2, стр. 254.

⁴³ Л. Риччарди, Вулканизм в мифологии и науке, Воронеж, 1915.

⁴⁴ И. Мушкетов и А. Орлов, Каталог землетрясений Российской империи, Записки Географического общества, XXVI, СПб., 1893.

⁴⁵ Присоединяемся к Н. В. Пятыевой, видевшей здесь изображение самой змееногой богини. См. Пятыева, ук. соч., стр. 214, прим. 10.

⁴⁶ М. П. Ростовцев, Эллизм и иранство на юге России, Птг., 1918, стр. 125

очень трудно составить представление при теперешнем состоянии текста. Однако в самых общих чертах они достаточно ясны¹.

Луцилий был членом стипионовского кружка и разделял либерально-аристократическую позицию этого кружка. Политические взгляды Луцилия были весьма умеренны, он был противником демократического движения Гракхов², народная комедия видела в нем врага (*Rhet. ad Her.*, II, 13, 19; 14, 24). Философские взгляды Луцилия сводились к проповеди умеренности и золотой середины (фр. 699, 702 М. и др.); к радикальной кирической философии он относился резко отрицательно (фр. 1225—26 М.). Литературные принципы Луцилия также определялись стипионовским либерализмом: он был сторонником изящного языка, свободного и от архаической выпренности, и от народной грубости; изящество его насмешек противостояло резкости низменного комедийного смеха. Моралистический подход к общественному злу, философия золотой середины, изящество слога — это те же самые принципы, какие мы увидим у Горация. Принципиальной идейной разницы между сатирой Луцилия и сатирой Горация нет.

Различия между Луцилием и Горацием заключаются в ином. Во-первых, Луцилий своей сатирой стремится исправить пороки общества, а Гораций — прежде всего свои собственные. Цель сатиры Луцилия — обличение, цель сатиры Горация — нравственное самосовершенствование. Во-вторых, Луцилий пишет свои сатиры для сравнительно широких читательских масс (фр. 592 сл., 595 сл. М.), а Гораций — для узкого аристократического кружка. В-третьих, Луцилий часто отступает от своих литературных принципов и допускает в свои сатиры народную речь и комедийную резкость, Гораций же строго выдерживает изысканность стиля. Но и эти различия объясняются не тем, что Гораций якобы был большим филистером, чем Луцилий, а тем, что Луцилий писал в совершенно иной исторической обстановке, чем Гораций. Время Луцилия было временем литературного подъема, когда пропаганда словом представляла реальную политическую силу; сатиры Луцилия и были такой пропагандой. Время Горация было временем реакции, единственной реальной политической силой стало войско, литературная пропаганда потеряла всякое значение, и сатиры Горация стали моралистическим развлечением узкого аристократического кружка. Гораций только развивал в новых условиях те же самые политические, философские и литературные принципы, каких придерживался Луцилий за сто лет до него. Между этими поэтами больше сходства, чем разницы. Этим объясняются и совпадения многих отдельных мест и целых тем у Горация и Луцилия.

Сам Гораций отлично сознавал эту преемственность. Даже в полемическом ожесточении он ни словом не протестует против идейных позиций Луцилия и старательно ограничивает свою критику вопросам слога; а в 1 сатире II книги он безоговорочно объявляет Луцилия своим образцом и недостижимым идеалом (ст. 29, 34, 74—75). Именно эта сатира является последним, свободным от полемических передержек и исторически наиболее справедливым высказыванием Горация о своем отношении к Луцилию.

В таком случае, чем же объяснить нападку Горация на устарелость, грубость и многословие Луцилия — нападки, составляющие основу 4 и 10 сатиры I книги? Обычно это объясняют тем, что молодой поэт борется за свое место под солнцем и старается преувеличить собственную оригинальность³. Это правильно, но этого недостаточно. Гораций полемизирует, конечно, не с самым давно умершим Луцилием, а с продолжателями и защитниками его традиции. Для того чтобы вполне понять смысл сатир Горация, нужно хотя бы приблизительно определить, кто были эти поклонники Луцилия и какое место занимали они в идейной борьбе последнего десятилетия республики.

Известно, что Луцилий был в родстве с домом Помпеев. Его племянница была матерью Гнея Помпея и бабкой Секста Помпея. Видный помпеянский офицер Луцилий Гирр был, как кажется, внучатым племянником сатирика⁴. Помпеи хранили память о Луцилии. Изучавшие творчество писателя Варрон, Лесий, Курций Никия были друзьями или клиентами Помпея. Можно не сомневаться, что имя Луцилия ассоциировалось у римского читателя с именами Помпеев⁵.

Гнея Помпея давно не было в живых, но Секст Помпей в эти годы был едва ли не центральной фигурой политической жизни. С 42 г. он владел Сицилией и блокировал

¹ См. М. Чернявский, Сатира Гая Луцилия, канд. дис., машинопись, М., 1952.

² Там же, стр. 153—155.

³ Из последних работ см. статьи N. R u d d, Horace's poverty, «Hermathena», т. 84 (1954), стр. 16—25; о н же, Had Horace been criticised? AJP, т. 76 (1955), стр. 165—175; о н же, The poet's defence, «Classical Quarterly», т. 5 (1955), стр. 142—156; о н же, Libertas et facetus, «Mnemosyne», т. 10 (1957), стр. 318—336.

⁴ C. S i c h o r i u s, Römische Studien, Lpz—B., 1922, стр. 67 слл; A. V. W e s t, Lucilian genealogy, AJP, т. 49 (1928), стр. 240—253.

⁵ Дафф даже предполагает: «В свои доцезарьские дни сам Гораций был в достаточной степени помпеянцем, чтобы заинтересоваться сочинениями Луцилия, внука-того дяди Помпея» (J. W. H. D u f f, Roman satire, Berkeley, 1936, стр. 61).

своим флотом Италию. К нему стекались все недовольные властью триумвиров: с одной стороны, проскрибированные аристократы, с другой, разоренные крестьяне и беглые рабы. Надежда на помощь со стороны Секста объединяла разрозненные силы аристократической и демократической оппозиции в Риме. Городской плебс устраивал бурные демонстрации в его пользу, аристократическая фронда сносилась с ним через Муцию и Скрибонию Либона, Антоний вел с ним переговоры. Ради сохранения своей власти Октавиан пошел на брак с дочерью Либона и на переговоры с Секстом: весной 39 г. был заключен мирный договор в Путеолах. Но передышка была недолгой: на сторону Октавиана перешел Менодор, командующий флотом Секста Помпея; военные действия возобновились, летом 38 г. был предпринят большой морской поход на Сицилию. Положение было предельно напряженным.

Такова была политическая обстановка в то время, когда в римских литературных кругах вспыхнул интерес к имени и творчеству Луцилия.

Мы лишь смутно можем представить себе состояние литературы в Риме в начале 30-х годов. Вся оппозиционная литература этих лет погибла: уже несколько лет спустя ее злободневность была неинтересна читателю, а ее направленность вредна правительству. Но даже беглые указания историков показывают, что оппозиционные настроения были широко распространены в римских литературных кругах. Мы можем насчитать по крайней мере четыре центра литературной оппозиции того времени? Первый центр — друзья Цицерона: Варрон, Атик, Тирон, Лаврей, Корнелий Непот. Второй центр — близкие дому Помпеев: Амий Бальб, Авл Цецина, Кассий Пармский, Ленея, Меций Тарпа. Третий центр — остатки приверженцев Брута: Бибул младший, Волумний, Эмпил, может быть, Танузий Гемин и Акторий Назон. Четвертый центр — поэты-неотеррики во главе с Фурием Бибакулом и Валерием Катонем. К этим четырем центрам аристократической оппозиции нужно прибавить рупоры демократической оппозиции — народную комедию (ателлану и мим) и проповеди бродячих философов — стоиков и кишпков. Так как Антоний давно исподтишка интриговал против своего союзника, то можно предполагать, что его приверженцы в Риме — например риторы Секст Клодий и Анний Цимбр, мимोगраф Нукула, трагик Лентон — были также причастны к оппозиционной пропаганде. Несомненно, результатом деятельности этой литературной, сценической и проповеднической оппозиции и явилось то обилие порочащих слухов об Октавиане, его жизни и поведении, отголоски которых мы находим у Светония.

Для этой пестрой литературной оппозиции имя Луцилия должно было стать таким же лозунгом, каким было имя Секста для политической оппозиции. Вокруг сатирической традиции Луцилия можно было объединить аристократическую и демократическую оппозицию в литературе, как вокруг Секста Помпея объединялась аристократическая и демократическая оппозиция в политике. Не случайно именно в это время вождь неотерриков Валерий Катон заявил, что готовит исправленное издание сочинений Луцилия (Нор., Sat. I, 10; 1a—8a). Назревал общий поход литературной оппозиции против Октавиана. Необходимость борьбы с внутренней оппозицией сильно ослабила борьбу Октавиана с Секстом Помпеем.

Тот факт, что оживление литературной оппозиции действительно имело место в эти годы, подтверждается тем, что непосредственно после описанных событий Октавиан поручает Меценату организовать литературную группировку, защищающую интересы цезаризма. К этой группировке присоединяется и Гораций.

Эволюция Горация от республиканских убеждений к цезаризму происходит в первые же годы после битвы при Филиппах. Самые ранние из известных нам его стихотворений еще имеют черты оппозиционности: это 7-я сатира с ее каламбурным намеком на царицу Брута и 16-й эпод, основное настроение которого — отчаяние беззащитного мелкого собственника, согнанного с земли солдатами. После этого, во 2-й сатире и 2-м эподе уже появляется примиренческая проповедь золотой середины и довольства малым — основная тема зрелого Горация; но во 2-й сатире она еще заслонена обилием скандальных намеков и эротического материала, во 2-м эподе она как бы взята в иронические кавычки эпиграммной концовкой.

В 4-й сатире Гораций впервые открыто провозглашает свою новую программу и противопоставляет свою сатиру, «самую совершенную» и изящно отделанную, старой сатире, обличительной и грубой. Однако он это делает в высшей степени осторожно. Начав сравнивать себя с Луцилием, Гораций быстро подменяет это сравнением с Криспином (ст. 14 сл.), потом с Фаннием (ст. 21 сл.), потом с доносчиками Сульцием и Каприем (ст. 65 сл.) и, наконец, с безмянным клеветником, образ которого лишь тонкими намеками сближен с образом Луцилия⁶. Даже там, где он говорит о самом Луцилии, он предпочитает выражаться двусмысленно: *erat quod tollere velles* (ст. 11).

⁶ Сводку данных об упоминаемых лицах см. M. Schanz—C. Hosius, *Geschichte der römischen Literatur*, т. I, München, 1927; H. Baron, *La littérature latine inconnue*, т. I, P., 1952.

⁷ T. Frank, *Horace's description of a scene in Lucilius*, AJP, т. 46 (1925), стр. 72—74.

А в заключении сатиры он неожиданно признает себя принадлежащим к *maius roe-tarum* (ст. 141) — тех поэтов, от которых он только что так усердно отмежевывался. Это значит, что Гораций еще не причисляет себя к кружку Мецената и оставляет себе лазейку, чтобы в случае неудачи вернуться к оппозиции.

Тем не менее главным оставался тот факт, что Гораций открыто выступил против Луцилия, имя которого было литературным лозунгом помпеянской оппозиции. Это неизбежно привлекало к нему благосклонное внимание Мецената. Известно, что первая встреча Горация с Меценатом состоялась еще в начале 38 г., но Гораций был принят недружелюбно (*Sat.*, I, 6, 55 сл.). По-видимому, 4-я сатира с ее колебанием между оппозицией и цезаризмом была написана в последующие месяцы, когда Гораций был еще не уверен в своей дальнейшей судьбе⁸. Тем временем прошло лето: Октавиан был разбит Секстом, оппозиция ликовала, стало ясно, что прежде, чем предпринять новый поход, надо подавить оппозицию в тылу. Для идеологической борьбы с оппозицией и создается кружок Мецената как организационное целое. Гораций, автор сатиры против луциллианцев, оказывается желанным союзником и осенью 38 г., девять месяцев спустя после первой встречи с Меценатом, становится членом его кружка. Знаком доверия было участие Горация в дипломатической поездке Мецената в Брундизий следующей весной (*Sat.*, I, 5).

Творчество Горация сразу становится интенсивнее. На протяжении трех лет были написаны семь сатир и несколько эподов. Их основное содержание — проповедь умеренности и аполитизма (моралистическая трилогия: 6-, 3- и 1-я сатиры) и борьба против идеологии плебса в ее двух формах: стоико-кинической философии и мистических суеверий. В первую сатиру вкраплены насмешки над стойками Фабием и Криспином, третья сатира заканчивается высмеиванием основного стоико-кинического положения: мудрец сам себе царь. При этом не случайно объектом насмешек был выбран Фабий, известный как помпеянец (*Porph. ad Sat.*, I, 1, 14); а когда в 3-й сатире Гораций заставлял своего собеседника-стойка бранить Алфена Вара, юриста из партии Октавиана, это как бы подчеркивало политическую неблагонадежность радикального стоицизма. Наибольшей резкости нападки Горация достигают в 6-м эподе: *Quid immerentes hospites vexas, canis?* «Пес» было самоозначением киников, и 6-й эпод можно без колебаний отнести к этой кампании против них. Другой ряд произведений — 8-я сатира и эподы 5-й и 17-й — обращен против суеверий, мистицизма, магии, распространявшихся в народе и направляемых оппозицией против нового режима⁹. Это была как бы подготовительная кампания перед тем официальным изгнанием черно-кинижников из Рима, которое предпринял Агриппа через два года после опубликования первой книги сатир. Открытого политического содержания своих сатир Гораций избегает; однако, когда в 6-й сатире он обвиняет народ в том, что он дарит почести недостойным и цепенеет перед знатными предками (ст. 15 сл.), — это можно понять как намек на сочувствие плебса Сексту Помпею. А 4-й эпод целиком представляет собой политическую эпиграмму на выскочку-вольнотпущенника и заканчивается грозным вопросом: какой толк воевать с беглыми рабами Секста, когда такой же беглый раб командует в нашем войске? Порфирион относит этот эпод к Помпею Мене, т. е. к Менодору: по-видимому, после поражения 38 г. сторонники Октавиана попытались выгодно свалить ответственность за неудачу похода на вчерашнего помпеянца Менодора, и эпод Горация был одним из моментов памфлетной травли Менодора, закончившейся возвращением этого флотоводца к Сексту Помпею¹⁰.

Эту серию произведений 37—36 гг. заключает 9-я сатира, в которой Гораций окончательно отмежевывается от своего прежнего окружения — неотерпческой богемы, и с гордой скромностью сообщает о своей близости с Меценатом.

Тем временем политика Октавиана делала успехи. Было завершено наделение ветеранов землями и деньгами, в Италии возродилась (на недолгое время) прослойка мелкого крестьянства, преданная Октавиану, брак Октавиана с Ливией укрепил его союз с сенатским сословием. В то же время Секст Помпей быстро терял своих политических союзников: зная, напуганная засильем беглых рабов и крестьян в его войске, отшатывалась от него и склонялась к примирению с Октавианом. В литературных кругах Рима все больше распространялись симпатии к цезаризму: надоедливый герой 9-й сатиры, мечтавший через Горация втереться в кружок Мецената, был, вероятно, не единичным явлением. Оппозиционный блок распался. Теперь Секста Помпея поддерживал только римский плебс и его глашатай — народная комедия. Осенью 36 г. Октавиан разгромил Секста и расправился с беглыми рабами. С этого времени его союз с рабовладельческими сословиями утвердился окончательно. Но Секст спасся,

⁸ Ср. различные датировки у R. L a t s c h, *Die Chronologie der Satiren und E-poden des Horaz*, Würzburg, 1936.

⁹ Н. А. М а ш к и н, Эсхатология и мессианизм в последний период римской республики, ИАН, сер. истории и философии, т. III, вып. 5, 1946, стр. 441—460.

¹⁰ Иначе С. С u m a н и е с к и, *De epodis quibusdam Horatianis*, «Commentationes Horationae», Crac., 1935, стр. 139—157.

бежал на Лесбос и предложил свой союз Антонию. На этот союз римский плебс возлагал свои последние надежды.

В этой обстановке Гораций написал 10-ю сатиру I книги. Это был удар по последним защитникам литературного помпейца Луцилия. Здесь Гораций гораздо более последователен и резок, чем в 4-й сатире. Он сразу обрушивается на грубость и беспорядочность поэзии Луцилия, причем попутно сближает Луцилия то с мимогографом Лабрием (ст. 6) и другими мастерами народной комедии, руководимыми Тарпой (ст. 38), то с оппозиционными неотериками Тигеллием и Деметрием (ст. 18; судя по ст. 91, они преподавали в актерских школах, т. е. также были близки к народной комедии), то с помпейнским сатириком Пифолеонтом (Пифолаем, ст. 22), то с мистиком Цезием этрусским¹¹ (ст. 62). Эти сближения лучше всего раскрывают политическую сущность борьбы Горация против Луцилия. Далее Гораций развертывает картину деятельности своей литературной группировки: это как бы распределение сил по фронту перед общим наступлением. После этого Гораций пытается отбить у противников их знамя — Луцилия, заявляя, что, живя Луцилий теперь, он писал бы совсем иначе и, пожалуй, был бы союзником новой школы (ст. 68 сл.). В заключение Гораций перечисляет поименно участников кружка Мецената и их знатных ценителей.

Замечено, что почти все эти ценители, упомянутые Горацием, — Поллион, Мессала, Бибул, Фурний — явные сторонники Антония¹². Это вовсе не доказательство либерализма Горация по отношению к Октавиану, наоборот. В это время, зимой 36/35 г., Антоний собирался заключить союз с Секстом Помпеем, а это повлекло бы открытый разрыв с Октавианом и гражданскую войну, к которой Октавиан еще не был готов. Нужно было напомнить о старой близости Антония с Октавианом и убедить не нарушать эту близость ради союза с Секстом. С этой целью Гораций и объединяет в конце 10-й сатиры имена цезарианцев с именами антонийцев; с этой же целью он, готовя к изданию первую книгу сатир, ставит на важное, центральное место 5-ю сатиру, описывающую дипломатическую поездку Мецената к Антонию, и на еще более ответственное, заключительное место — 10-ю сатиру.

Союз Антония с Секстом не состоялся. Секст был убит, его смерть на время бескуражила оппозицию. Луцилианское движение в литературе сошло на нет. И Гораций мог уже вполне открыто объявить Луцилия своим предшественником и образом, что он и сделал в 1-й сатире II книги.

Но это не меняло общего отрицательного отношения цезаризма к Луцилию и его традиции. Единственный раз в эпоху Августа вновь всплывает имя Луцилия, когда Юлий Флор предпринимает составление антологии из республиканских сатириков: Энния, Луцилия и Варрона (Porph. ad Epist., I, 3, 1). Очевидно, это была попытка дать такое извлечение из Луцилия, которое раскрыло бы в нем идеологического предшественника поэтов времени Августа. Затем упоминания о Луцилии снова исчезают, и лишь новые волны аристократической оппозиции при Клавдиях и Флавиях возрождают интерес к сатирику.

М. Л. Гаспаров